

A
B 724

На правах рукописи

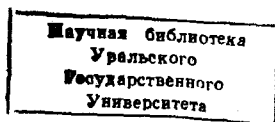
ВОЛЬХИН Александр Иванович

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Александр

Екатеринбург
2001

Работа выполнена на кафедре истории Отечества и органов безопасности Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации и кафедре истории России Уральского государственного университета им. А. М. Горького

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор В. Н. Хаустов

Официальные оппоненты
доктор исторических наук, профессор Б. В. Личман,
доктор исторических наук, профессор Н. П. Палецких,
доктор юридических наук, профессор А. С. Смыкалин

Ведущая организация
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук

Защита состоится "1" июня 2001 г. в 14⁰⁰ часов
на заседании диссертационного совета Д 212.286.04 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Уральском государственном университете им. А. М. Горького (620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, комн. 248).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Автореферат разослан "28" апреля 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук,
профессор

В. А. Кузьмин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы обусловливается потребностью в научном изучении одного из самых героических и драматических периодов отечественной истории – Великой Отечественной войны, роли территориальных органов государственной безопасности в защите и укреплении экономического потенциала восточных регионов России, упрочении социально-политической стабильности советского тыла.

Актуальность исследования диктуется и тем, что активное переосмысление исторического прошлого вызвало множество публикаций о деятельности органов госбезопасности с явным преобладанием одностороннего освещения роли и места отечественной спецслужбы в политической системе советского общества. На первый план выходит изучение либо карательной функции органов госбезопасности, либо только разведывательной или контрразведывательной. Поэтому такие подходы, характерные для значительной части научных работ, не отражающие действительного развития органов госбезопасности, ведут либо к их дискредитации, либо апологетике, вновь способствуют формированию необъективной картины как истории спецслужб, так и истории Отечества.

Научные исследования в области организации и деятельности силовых структур, их роли в решении экономических и социально-политических задач государства, в частности, в годы войны, приобретают особую актуальность в сегодняшней обстановке, когда остро стоит проблема практической реализации концепции национальной безопасности, обоснования роли и места органов Федеральной службы безопасности России в обеспечении военной, экономической, социально-политической безопасности страны путем осуществления оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию государственной измены, шпионажа, организованной преступности, коррупции, актов терроризма, национально-территориального сепаратизма, деятельности незаконных вооруженных формирований, других преступлений.

Без всестороннего учета опыта прошлого (позитивного и негативного) нельзя решить актуальную проблему укрепления российской государственности, глубокой и действительной демократизации всех сторон общественно-политической жизни, обеспечения надежной безопасности каждого гражданина России.

Историографический анализ, осуществленный автором в первой главе диссертации, показал, что при всем многообразии научной литературы по истории Великой Отечественной войны и советских спецслужб на сей день отсутствует комплексное исследование деятельности органов госбезопасности восточных регионов России в экстремальных условиях войны.

С учетом этого, **объектом исследования** диссертант определил органы НКВД – НКГБ СССР как силовой элемент государства, являющегося основным институтом политической системы общества, а **предметом** – опыт организации, основные направления и содержание деятельности территориальных органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири на объектах промышленности и сельского хозяйства, в городе и деревне в годы Великой Отечественной войны.

Территориальные рамки. Изучение истории советских органов государственной безопасности складывается из анализа работы их центрального аппарата, всех структурных подразделений, в том числе территориальных управлений. Значительный интерес для исследования представляют территориальные органы НКВД – УНКВД – НКГБ – УНКГБ Урала (по Башкирской, Удмуртской АССР, Курганской, Молотовской (ныне Пермской), Свердловской, Челябинской, Чкаловской (ныне Оренбургской) областям), Западной Сибири (по Алтайскому краю, Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской, Тюменской областям), а также Красноярского края (в дальнейшем – Урало-Сибирского региона), сотрудники которых вместе с тружениками тыла внесли существенный вклад в обеспечение фронта военной продукцией, специфическими методами защищая экономический потенциал и стабилизируя социально-политическую обстановку.

Расширение территориальных рамок за счет Красноярского края обусловлено проведением здесь ряда совместных с западно-сибирскими Управлениями НКВД – НКГБ операций (агентурная операция “Паутина”, переселение спецпоселенцев на рыбные промыслы и др.), поэтому мы сочли нецелесообразным разрывать единое сибирское пространство и включили Красноярский край в территориальные рамки исследования. Изучение интересующей нас темы на материалах Урало-Сибирского региона позволяет проследить как общие закономерности деятельности советских органов госбезопасности, так и особенности их проявления, обусловленные местной спецификой.

Хронологические рамки исследования охватывают годы Великой Отечественной войны (с июня 1941 г. по май 1945 г.), когда после эвакуации материальных и людских ресурсов в 1941–1942 гг. Урало-Сибирской регион превратился в мощную военно-экономическую базу СССР, обеспечивавшую фронт первоклассным оружием, продовольствием и военным снаряжением. В рамках этого периода можно выделить два этапа деятельности территориальных органов государственной безопасности: первый этап – с июня 1941 г. до середины 1943 г., второй этап – с середины 1943 г. по май 1945 г.

На первом этапе территориальные Управления НКГБ – НКВД оказали всестороннюю хозяйственно-организаторскую помощь в развертывании экономического потенциала Урало-Сибирского региона, активизировали оперативную и следственную работу против разведывательно-диверсионной агентуры иностранных спецслужб и прежде всего фашистской Германии, а также против так называемой внутренней контрреволюции. Главными итогами этого этапа явились нейтрализация подрывных усилий немецкой разведки и разгром всех сил, потенциально оппозиционных политическому режиму.

На втором этапе, с момента коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, осуществлялась окончательная ликвидация агентуры иностранных спецслужб (в частности, немецкой и японской), выявление и арест предателей и пособников немецких оккупантов, продолжалась борьба с инакомыслием. Количество арестов с 1943 г. резко сократилось. Территориальные органы НКГБ упрочили безопасность промышленных и сельскохозяйственных объектов, удержали под контролем социально-политическое положение в регионе.

Цель диссертационного исследования заключается в том, чтобы на основе использования широкого круга документальных источников, основную часть которых составляют архивные материалы, провести комплексный анализ оперативной деятельности территориальных органов госбезопасности Урало-Сибирского региона, раскрыть ее противоречивый характер и причины, его обусловившие. С учетом этого основными **задачами** исследования являются:

- оценка состояния изученности отдельных аспектов указанной темы;
- определение соотношения реальных и потенциальных, внешних и внутренних угроз безопасности Урало-Сибирского региона накануне и в годы Великой Отечественной войны;

– выяснение роли и места органов госбезопасности в политической системе советского общества, осмысление характера выполняемых ими задач, оценка правового регулирования деятельности органов госбезопасности в годы войны;

– установление соответствия организационной структуры и кадрового обеспечения характеру решаемых органами НКВД – НКГБ задач;

– выявление разведывательных, диверсионных, вредительских, саботажнических, идеологических, повстанческих, террористических акций спецслужб иностранных государств и враждебных антисоветских элементов, фактов предательства и пособничества немецким оккупантам, определение адекватности форм и методов борьбы с ними территориальных органов госбезопасности Урало-Сибирского региона;

– анализ основных результатов работы территориальных органов НКВД – НКГБ в исследуемый период; обобщение практики и опыта советской спецслужбы, вычленение позитивных и негативных аспектов; разработка практических рекомендаций по совершенствованию деятельности отечественных органов безопасности в современных условиях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что автором впервые предпринято комплексное изучение деятельности территориальных органов госбезопасности всех областей Урала, Западной Сибири, а также Красноярского края в годы Великой Отечественной войны в единстве их контрразведывательной, контрольно-инспекционной, хозяйственно-организаторской работы и выполнения задач тайной политической полиции.

Диссертантом проанализирована историография проблемы, в научный оборот введено значительное количество новых архивных документов, ранее не использовавшихся в отечественных исторических исследованиях. Новая архивная база позволила выявить состояние безопасности Урало-Сибирского региона, выяснить комплекс задач, поставленных партийно-государственным руководством страны органам НКВД – НКГБ глубокого советского тыла в годы войны.

Впервые в отечественной историографии изучена агентурно-оперативная работа органов госбезопасности на объектах сельского хозяйства (борьба с диверсией, вредительством, саботажем), среди спецпоселенцев, молодежи, интеллигенции, церковников и сектантов.

Отдельные разделы диссертации посвящены борьбе органов НКВД – НКГБ с антисоветской агитацией, повстанчеством, терроризмом, предательством и пособничеством немецким оккупантам. Специально проанализирована функция тайной политической полиции.

В научный оборот вводится всеобъемлющая статистика арестов, осуществленных территориальными органами госбезопасности по всем областям Урало-Сибирского региона, видам контрреволюционных преступлений, отдельным категориям населения.

Теоретическая значимость исследования заключается в осмыслении роли и места территориальных органов НКВД – НКГБ в механизме управления государством, их дуалистической природы, вклада в обеспечение безопасности советского тыла, в достижение победы. Впервые введенные в научный оборот архивные материалы, выводы и положения диссертации позволяют глубже разобраться в истории Советского государства, характере взаимоотношений власти и народа в годы Великой Отечественной войны, конкретизировать представления о цене победы.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что содержащиеся в ней материалы и выводы могут быть использованы при написании обобщающих трудов как по истории России XX в., так и по истории отечественных органов безопасности, при создании соответствующих учебных пособий, разработке лекционных курсов для студентов исторических факультетов, юридических вузов, слушателей высших учебных заведений ФСБ и МВД России. Исследование может способствовать формированию исторического сознания и правовой культуры читателей, позволит им глубже понять противоречивый характер минувшего. Осмысление опыта деятельности органов госбезопасности в годы войны может оказать помощь руководящему составу органов ФСБ и МВД РФ в улучшении организации оперативной работы, профессиональной подготовки сотрудников.

Методологической основой диссертации явились категории диалектики (содержание и форма, необходимость и случайность, возможность и действительность, количество и качество, причина и следствие, противоречие), принципы исторического исследования (историзм, объективность, системность), методы научного познания (хронологический, логический, ситуационный, ретроспективный, статистический, метод сравнительного анализа и другие).

Принцип историзма предполагает рассмотрение любого явления или события в его развитии (изменении) и взаимосвязи, взаимообусловленности с другими явлениями и событиями. Именно с этих позиций мы стремились подойти к освещению основных направлений деятельности территориальных органов НКВД – НКГБ на протяжении 1941–1945 гг., показать тесную связь предмета исследования с решениями директивных органов, проблемами развития советского общества в целом и отдельных составляющих его частей. Такой методологический подход позволил оценить реальный вклад органов госбезопасности Урала и Сибири в обеспечение обороноспособности страны, объяснить сложности и противоречия, связанные с вовлечением органов НКВД – НКГБ в механизм управления государством.

Автор стремился в максимально возможной мере реализовать принцип объективности исследования, стараясь не быть идеологически зашоренным при анализе тех или иных явлений и процессов, происходивших в годы Великой Отечественной войны. Действия властных структур и органов госбезопасности оценивались как с точки зрения эффективности мобилизационных усилий на разгром врага, так и с позиции законности проводившихся мероприятий, нравственности поступков по отношению к людям. На основе системного подхода территориальные органы госбезопасности рассмотрены как важный элемент государства, занимавший особое место и игравший чрезвычайную роль в выполнении установок политического руководства страны.

Специфика исторического познания предполагает использование ряда специальных методов. К числу важнейших из них относятся проблемное и хронологическое рассмотрение изучаемых процессов и событий. При наличии того и другого в работе предпочтение отдано все же их сочетанию, так как оно позволило последовательно проследить каждое из направлений оперативной работы органов госбезопасности, эволюцию ее форм и методов на протяжении военных лет.

Ситуационный и ретроспективный подходы как специфическая методологическая дихотомия требуют соблюдения меры пропорциональности. Стремясь избежать модернизации в оценках изучаемой эпохи, автор уделил внимание показу явлений и событий, восприятия их современниками в контексте конкретно-исторической ситуации войны. Без ситуационного анализа невозможно адекватное понимание мотивов принимавшихся решений, механизма их реализации

в контрразведывательных аппаратах. В то же время гипертрофированный историко-ситуационный подход чреват архаизацией оценок. Необходим взгляд с исторической дистанции, когда уже проявились долговременные результаты прошедшей эпохи. Осуществление ретроспективного подхода означало также частичное включение в исследовательское поле смежных исторических периодов предвоенной и послевоенной советской истории. Автором использовались также методы социального психологии, статистический метод.

Апробация исследования. Основные положения работы изложены в 26 научных публикациях автора, в том числе в двух монографиях, общим объемом 38,7 авт. л. Итоги исследования и выводы автора нашли отражение в материалах научных конференций, проходивших в Москве (1996, 1997, 2000), Екатеринбурге (1998, 1999, 2000), Нижнем Тагиле (1997).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, обозначены объект и предмет исследования, определены территориальные и хронологические рамки, сформулированы цель и задачи диссертационного исследования, раскрыты научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, охарактеризована методологическая основа диссертации.

В первой главе **“Историографические и источниковедческие проблемы исследования”** дается характеристика литературы и источников.

Сложность историографического анализа заключается в том, что тема исследования находится на пересечении двух самостоятельных научных направлений: истории Великой Отечественной войны и истории советских органов государственной безопасности. К тому же нами избран региональный аспект – Урал и Западная Сибирь. Поэтому автор вынужден анализировать научную литературу, как относящуюся к периоду Великой Отечественной войны в целом, Урало-Сибирскому региону, в частности, так и освещающую широкий спектр проблем деятельности спецслужб, их роли и места в истории Совет-

ского государства, в том числе в годы войны, в частности, на Урале и в Сибири. Таким образом, рассматриваемая нами литература является чаще всего “пограничной” по отношению к заявленной теме исследования.

Диссертант разделяет позицию ученых, предлагающих различать два качественно различных периода в истории исследований Великой Отечественной войны, в том числе и деятельности органов госбезопасности СССР. Первый, продолжавшийся с 1941 г. до рубежа 1980–1990-х гг., – советский период историографии войны. В его рамках возможно выделение тех или иных этапов, но их количество и границы для характеристики концептуальной направленности исследований принципиального значения не имеют. На всем протяжении названного периода научный поиск осуществлялся в русле единой методологической модели, а в исследованиях господствовала официальная концепция.

Второй период, начавшийся с рубежа 1980–1990-х гг., может быть определен как переходный. В корне изменилась политическая и социально-экономическая ситуация. С ликвидацией властной монополии КПСС был преодолен прежний политико-идеологический диктат. Органы безопасности страны освободились от руководящей и направляющей роли партии. Комплекс осуществляемых исследований по истории войны с точки зрения концептуальных подходов, обобщающих оценок уже не представляет собой монолита.

В литературе, относящейся к первому периоду историографии истории Великой Отечественной войны и истории органов госбезопасности СССР, изучение социально-экономического и политического состояния советского тыла не соприкасается с проблематикой обеспечения безопасности экономического потенциала страны, упрочения политического режима, в том числе и репрессивными методами. И то, и другое направление в литературе существуют независимо друг от друга, отличаются разной степенью разработанности.

Обстоятельный анализ научной литературы по проблемам истории советского тыла, в том числе Урала и Сибири, проводился в специальных историографических трудах, многочисленных сопутствующих обзорах.

Литература первого периода о деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны малочисленна, беспроblemна, носит исключительно публицистико-патриотический харак-

тер. Научно-исследовательский потенциал этих публикаций крайне незначителен¹.

Научно-практическим целям служит обширная литература с ограничительным грифом, существенно эволюционировавшая по содержанию с периода Отечественной войны до начала 1990-х гг.

В научных публикациях 1940–1950-х гг., подготовленных сотрудниками, пришедшими в Высшую школу КГБ из боевых практических подразделений, обобщен богатый опыт оперативной деятельности контрразведывательных подразделений в военное время². Однако слабая источниковая база, чрезмерная конкретизация событий сужали возможности обобщения, формирования концептуальных подходов.

Необходимость подготовки нормативных актов, лекций и учебных пособий, введение в научный оборот новых архивных документов способствовали развитию исторического знания в последующие годы, позволили акцентировать внимание исследователей на проблемах создания и деятельности истребительных батальонов, оперативных групп органов НКВД – НКГБ в тылу противника, борьбы с агентурой немецкой разведки на железнодорожном транспорте, применения радиоигр в контрразведывательной работе³.

Были предприняты попытки освещения деятельности территориальных органов госбезопасности Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии, Эстонии, Приморья, Хабаровского края по выявлению, предупреждению и пресечению шпионских, диверсионно-террористических и иных подрывных акций спецслужб Германии и Японии⁴. Тенденция комплексного исследования деятельности территориальных и транспортных органов госбезопасности, органов военной контрразведки, реально проявившаяся в 1960-е – начале 1970-х гг., на-

---

¹ См.: Так сражались чекисты. – Волгоград, 1974; Долганов Ю. Б. Война без линии фронта. – М., 1981; Корнилов Ю. И., Наумов Г. К. Об этом не все знали... (Чекисты Среднего Урала в годы войны) // Урал. 1984. № 11. С. 141–150; и др.

² См.: Минаев В. О подрывной работе немецко-фашистских мерзавцев. – Баку, 1942; Крылов С. М. Борьба с разведывательно-диверсионными группами и отрядами противника во фронтовой наступательной операции. – М., 1957; и др.

³ См.: Банников Ф. Г. Истребительные батальоны в Великой Отечественной войне. – М., 1968; Коровин В. В. Деятельность оперативных групп органов государственной безопасности в тылу противника в годы Великой Отечественной войны. – М., 1968; Барышников В. Я., Тарасов Д. П. Радиоигры и их применение в контрразведывательной работе органов КГБ. – М., 1964; и др.

⁴ См.: Спецборник Высшей школы КГБ СССР. – М., 1971. № 2.

брала силу в 1970–1980-е гг. Обилие статей по историко-чекистской проблематике, научно-теоретические конференции 1977, 1985 гг., выпуск многотомного издания документов и материалов по истории деятельности органов госбезопасности в годы войны – все это дало новый импульс научным разработкам¹.

В 1977 г. был опубликован новый вариант учебника по истории органов государственной безопасности². По различным аспектам борьбы советских органов госбезопасности с подрывной деятельностью зарубежных спецслужб защитили диссертации В. В. Коровин, А. В. Иванков, В. П. Ямпольский, Н. Н. Каленкович³.

Отмечая существенный вклад ученых в разработку темы “Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне”, достигнутый к началу 1990-х гг., необходимо констатировать, что некоторые ее аспекты освещены слабо. Это в полной мере относится к вопросу о деятельности органов госбезопасности в тылу страны. Имеющиеся научные разработки по этой проблеме малочисленны⁴.

---

¹ Борьба советских органов государственной безопасности с подрывной деятельностью спецслужб фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны: Сб. материалов науч.-теорет. конф. – М., 1977; Советские органы и войска государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. материалов конф. – М., 1985; Советские органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: Сб. док. и материалов. – М., 1985–1992. Т. 1–6.

² История советских органов государственной безопасности: Учеб. – М., 1977.

³ Коровин В. В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1981; Иванков А. В. Деятельность органов государственной безопасности Украинской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983; Ямпольский В. П. Борьба органов государственной безопасности СССР с подрывной деятельностью японской разведки в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983; Каленкович Н. Н. Деятельность органов государственной безопасности Туркменской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1988.

⁴ См.: История советских органов государственной безопасности: Учеб. Гл. 9: Органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 325–445; Васильев В. Из опыта контрразведывательного обеспечения особо важных объектов промышленности в годы Великой Отечественной войны // Спецсборник КГБ СССР. 1980. № 87. С. 91–96; Коровин В. В. Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Гл. 4: Контрразведывательная работа в тылу страны. С. 78–92; Каленкович Н. Н. Деятельность органов государственной безопасности Туркменской ССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).

В этой связи достойны особого внимания публикации А. М. Демидова, впервые в российской историографии исследовавшего деятельность органов госбезопасности на объектах оборонных отраслей промышленности Поволжья, Свердловской и Челябинской областей в июне 1941 – апреле 1943 г. Богатый фактический материал позволил исследователю углубить традиционные представления о роли и месте органов госбезопасности в структуре Советского государства в годы войны¹.

Демократические перемены в развитии советского общества во второй половине 1980-х гг., всплеск общественного интереса к исторической проблематике, дискуссии о феномене большевизма и судьбах социализма в СССР, деидеологизация исторической науки, открытие доступа к некоторым ранее засекреченным архивным фондам – все это способствовало развитию исторического знания, постановке новых проблем.

Крупными явлениями в историографии истории советского тыла стали монографии В. Т. Анискова, А. А. Антуфьева, Г. Е. Корнилова, В. П. Мотревича, Н. П. Палецких². Исследуя глубинные процессы, происходившие в годы войны в городе и деревне, промышленности и сельском хозяйстве, в социальной сфере, авторы высоко оценили героические усилия тружеников Урала и Сибири, их вклад в победу над Германией, не раскрывая, однако, роли и места органов госбезопасности в механизме государственного принуждения.

---

¹ Демидов А. М. Деятельность территориальных органов государственной безопасности по улучшению хозяйственно-организаторской работы предприятий оборонных отраслей промышленности СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Сб. ст. по проблемам деятельности советской контрразведки и профессиональной подготовки чекистских кадров в современных условиях. – М., 1990. С. 128–146. *Он же*. Роль органов государственной безопасности в преодолении военно-промышленного кризиса первых лет Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.). – М., 1996.

² Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни: Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Новосибирск, 1993; Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Екатеринбург, 1992; Корнилов Г. Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны. – Свердловск, 1990; *Он же*. Уральское село и война (Проблемы демографического развития). – Екатеринбург, 1993; Мотревич В. П. Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны. – Свердловск, 1990; Палецких Н. П. Социальная политика на Урале в период Великой Отечественной войны. – Челябинск, 1995.

Через проблематику политических репрессий, ставшую главенствующей как в общероссийской, так и в региональной историографии с конца 1980-х гг., некоторые исследователи с логической неизбежностью подошли к теме деятельности органов государственной безопасности СССР в различные периоды отечественной истории XX в., в том числе в годы Великой Отечественной войны.

К сожалению, некоторые авторы не смогли избежать односторонности в оценке деятельности органов НКВД – НКГБ. Если С. А. Овчинников основное внимание в работе уделил противодействию контрразведки Поволжья подрывным акциям фашистских спецслужб, информационному обеспечению местных властных структур, полностью обойдя молчанием реализацию органами НКВД – НКГБ функции тайной политической полиции¹, то В. Е. Мартианов, наоборот, акцентировал внимание на участии органов НКВД Краснодарского края в политических репрессиях периода 1937–1941 гг.²

Необходимо отметить, что начавшееся во второй половине 1990-х гг. преодоление искусственного барьера между ведомственной “историко-чекистской” наукой и отечественной историей, изучаемой в гражданских академических и учебных заведениях, благотворно сказалось на состоянии отечественной историографии. Свидетельствами этого стали монографии С. А. Овчинникова, В. Н. Хаустова и В. П. Галицкого, учебное пособие В. В. Коровина³, открытые научные Исторические чтения на Лубянке по истории российских спецслужб (1997, 1998, 1999, 2000) с участием научных работников Академии ФСБ России, других ведомств, ранее входивших в систему КГБ, представителей научных и учебных учреждений России, Белоруссии, Украины, Казахстана, архивистов, краеведов, публицистов, членов общества “Мемориал”.

---

¹ Овчинников С. А. Контрразведка Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): В 2 т. – Саратов, 1994.

² Мартианов В. Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1937–1945 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 1998.

³ Хаустов В. Н. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941 гг.). – М., 1997.; Галицкий В. П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). – М., 1997.; Коровин В. В. История отечественных органов безопасности: Учеб. пособие. – М., 1998.

Подобное взаимодействие ученых обогащает их новыми идеями и концептуальными подходами к изучению деятельности органов госбезопасности СССР, в том числе в годы Великой Отечественной войны, позволяет постепенно преодолевать “обвинительный” уклон, воспринимать советскую спецслужбу как необходимый элемент государственного механизма, в силу субъективного фактора (руководящая роль Коммунистической партии) в конкретных исторических условиях чрезмерно усиливавшую репрессивную деятельность.

Именно в таком философско-историческом ключе написана В. А. Ивановым докторская диссертация “Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20–40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР)”. Рассматривая репрессивную политику властей по отношению к обществу как определенную систему, автор впервые определил силы и средства ее реализации, выявил структуру, характер взаимодействия и основную направленность репрессивного механизма в условиях сталинской модернизации в центре и на местах, раскрыл проблемы управления органами госбезопасности, милиции, суда и прокуратуры со стороны местных властей в интересах политических и социально-экономических преобразований в регионе, а также поддержания стабильности политического режима¹.

Справедливости ради необходимо отметить, что организационно-правовые основы деятельности органов госбезопасности в предвоенные годы, проблемы общественного правосознания в России, место органов ВЧК – ОГПУ – НКВД в политической системе советского общества – все эти проблемы в историко-философско-правовом аспекте были разработаны предшественниками В. А. Иванова – В. Б. Романовской, Л. П. Рассказовым².

Достигнутый уровень обобщений позволяет перевести изучение всех элементов государственного механизма, в том числе и органов государственной безопасности, действовавших в годы Великой Отече-

---

¹ См.: *Иванов В. А. Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 20-х – 40-х гг.: (На материалах Северо-Запада РСФСР): Дис. ... д-ра ист. наук.* – СПб, 1998. С. 5, 8.

² *Романовская В. Б. Репрессивные органы в России XX века.* – Н. Новгород, 1996; *Рассказов Л. П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.).* – Уфа, 1994.

ственной войны, в качественно иную плоскость, свободную от догм, устоявшихся стереотипов и представлений.

Таким образом, развитие отечественной историографии в 1990-е гг., значительное расширение источниковой базы исследований, преодоление ведомственной разобщенности историков позволили вплотную подойти к всесторонней разработке темы “Деятельность органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны” с новых методологических позиций. Однако лишь отдельные вопросы этой темы получили фрагментарное освещение.

В исторической литературе нет целостного представления о задачах, направлениях, результатах совокупной контрразведывательной, хозяйственно-организаторской и контрольно-инспекционной деятельности территориальных органов госбезопасности Урала и Сибири, реализации ими функции тайной политической полиции в городе и деревне, на объектах промышленности и в сельском хозяйстве. Предложенная работа представляет собою попытку раскрытия темы с названных позиций.

Цель и задачи исследования потребовали формирования, анализа и использования широкой источниковой базы. Основной массив источников, использованных в ходе работы над диссертацией, составляют впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы из фондов центральных и местных архивов: Центрального архива (ЦА) ФСБ России, Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Центрального государственного архива общественных движений (ЦГАОД), оперативных архивов Управлений ФСБ России по Новосибирской, Омской, Свердловской и Челябинской областям, Государственного учреждения “Центр документации общественных организаций Свердловской области” (ГУ ЦДООСО), Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО).

Наибольшее количество документов изучено в Центральном архиве ФСБ России. Переписка руководства НКВД – НКГБ СССР с ЦК ВКП(б), СНК СССР, наркоматами и ведомствами страны, местными партийными и советскими органами по вопросам интернирования иностранных подданных, деятельности немецких разведывательных органов, борьбы с диверсантами в тылу, организации производства вооружения и боеприпасов, строительстве аэродромов, выдвижения

кадров на руководящую работу в органы НКВД – НКГБ позволяет раскрыть содержание и формы реализации органами госбезопасности основных задач и направлений деятельности, которые определялись ЦК ВКП(б). Насыщены информацией копии спецсообщений в ЦК ВКП(б), СНК СССР, ГКО, докладные записки, сводки, справки о борьбе с инакомыслием, арестах предателей, бандитов, немецких радистов, очистке режимных городов от антисоветских элементов, обеспечении рабочей силой строек НКВД и военных заводов, итогах хлебозаготовительных кампаний, взрывах, пожарах, авариях и мерах борьбы с чрезвычайными происшествиями, состоянии продовольственного и промтоварного снабжения жителей тыла, материально-бытовых трудностях, политических настроениях, эпидемических заболеваниях, массовых пищевых отравлениях, смертности населения.

Автором использована богатейшая коллекция нормативных актов, отложившихся в фондах ЦА ФСБ: указания, циркуляры, положения о работе Главных Управлений, управлений, отделов центрального аппарата, инструкции, приказы, директивы ОГПУ – НКВД – НКГБ СССР за период 1930–1945 гг., касающиеся организации агентурно-оперативной работы по розыску государственных преступников, борьбе с агентурой иностранных разведок, изменой Родине, диверсией, вредительством, саботажем, антисоветской агитацией и пропагандой, терроризмом, бандитизмом, обеспечению сохранности государственной тайны, безопасности снаряжения, погрузки и транспортировки боеприпасов, учету враждебных элементов, работе с агентурой, кадрами, чекистской подготовке сотрудников органов госбезопасности, организации агентурно-оперативной работы в промышленности и сельском хозяйстве, среди спецпоселенцев, сектантов, интеллигенции, молодежи, инвалидов Отечественной войны, красноармейцев, вернувшихся из плена и окружения, по контролю за работой местных органов госбезопасности, оказанию им практической помощи, соблюдению социалистической законности, порядке предоставления ими оперативной отчетности и др.

Нормативно-директивная документация важна не только своей постановляющей стороной, в которой конкретизировались ведомственные установки по формам и методам, направлениям оперативной деятельности по обеспечению безопасности государства. Особой информационной насыщенностью отличается ее констатирующая сторона. Она несет в себе большой критический заряд, выявляет серьезность сложившейся оперативной обстановки.

Приказы, отчеты, справки о количестве осужденных Особым совещанием при НКВД СССР, материалы информационных сообщений о заседаниях Особого совещания, регулярно направлявшиеся Л. П. Берией на имя И. В. Сталина, раскрывают механизм осуществления карательной политики Советского государства в годы войны.

Стенограммы совещаний руководящего и оперативного состава территориальных органов госбезопасности отчетливо высвечивают глубину осознания сотрудниками проблем оперативной деятельности, характер первостепенных задач и механизм поиска путей их решения; воссоздают морально-психологический климат, сложившийся в подразделениях контрразведки в годы войны, мироощущение оперативного и руководящего состава.

Литерные дела, в которых сосредоточены оперативные материалы по конкретным объектам разработки, справки по итогам инспекторских и иных проверок, сводные докладные записки о результатах агентурно-оперативной работы территориальных органов НКГБ за 1943, 1944, 1945 гг., отчеты всех УНКГБ Урало-Сибирского региона и руководства спецслужбы об итогах оперативной и следственной работы за период Великой Отечественной войны насыщены богатым фактическим и статистическим материалом, потребовавшим его особого критического осмысления. Известно, что нарушения законности, имевшие место в исследуемый период, проявлялись в широко практиковавшейся фальсификации оперативных и следственных материалов, в применении провокационных методов с использованием агентов и осведомителей, а также попыток для получения необходимых следствию показаний. Учитывая подобные “технологии” деятельности силовых структур, неукоснительно исполнявших социальный заказ политического руководства страны, мы вносим существенные коррективы в трактовку рассматриваемых явлений и процессов при работе с такими документами.

В фондах приказов, литературных дел, секретного делопроизводства оперативных архивов Управлений ФСБ России по Новосибирской, Омской, Свердловской и Челябинской областям изучены документы по кадровой политике, планы оперативных мероприятий по Управлениям НКГБ краев и областей в связи с военными действиями с Германией и ее сателлитами, программы всеобщей обязательной подготовки сотрудников УНКВД по противовоздушной обороне, структура и штаты Управлений НКВД – НКГБ в периоды их реорганизаций,

переписка с горрайотделами НКВД – НКГБ, докладные записки, спецзаписки Управлений в НКВД – НКГБ СССР, обкомы ВКП(б) по вопросам состояния агентурно-оперативной и следственной работы, оказания помощи в восстановлении эвакуированных и строительстве новых промышленных предприятий, противодиверсионного обеспечения объектов экономики, качества выпускаемой военной продукции, состояния техники безопасности, борьбы с саботажем и членовредительством на предприятиях оборонной промышленности, положения дел в сельском хозяйстве, выявления, разоблачения и ареста агентов немецкой разведки, предателей и пособников немецких оккупантов, привлечения к ответственности злостных распространителей провокационных слухов, материалы военной цензуры о политических настроениях населения, фактах очковитирательства и приписок, злоупотреблений чиновничества, справки по агентурным делам и т. д.

Иерархическая структура, каковой являлись органы НКВД – НКГБ СССР в бюрократизированном государстве, досконально фиксировала каждый свой шаг, оставив огромное количество первичной документации различной научной ценности.

В Российском государственном архиве социально-политической истории исследованы материалы фонда ЦК КПСС (ф. 17), описи Управления кадров (оп. 127) и Политбюро, Особая папка (оп. 162), а также фонда ГКО (ф. 644) и др.

Анализ материалов заседаний бюро местных партийных организаций дает представление о взаимодействии партийных органов и территориальных Управлений НКВД – НКГБ, в том числе в деле подбора и расстановки кадров. Анализ постановлений ГКО свидетельствует о повседневной будничной работе его членов по эвакуации промышленности на Восток, в том числе на Урал и в Сибирь, созданию заводов-дублеров, организации производства танков, самолетов, другой боевой техники. В материалах заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) отражены проблемы эвакуации из Москвы наркоматов и государственных комитетов, материальных ценностей, развития черной металлургии на Урале и в Сибири, другие вопросы.

В совокупности материалы фонда РГАСПИ отражают активную организаторскую и политическую работу ЦК ВКП(б) по мобилизации всех государственных учреждений, в том числе органов госбезопасности, материальных ресурсов страны на разгром врага.

В Государственном архиве Российской Федерации значительный интерес представил фонд 4-го спецотдела МВД СССР (ф. 9479, оп. 1) по проблемам спецпоселенчества, в том числе на Урале и в Сибири, в годы Великой Отечественной войны. Этой категории населения уделялось пристальное внимание со стороны властных структур. Социально-экономические, политические и идеологические процессы, происходившие в спецпоселенческой среде, оказывали существенное влияние на оперативную обстановку в восточных регионах России, поэтому спецпоселенцы находились под жестким контролем органов НКВД – НКГБ СССР. Часть документов составляют материалы директивного характера. Это постановления ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б), указы Президиума Верховного Совета СССР, директивы, приказы, циркуляры НКВД – НКГБ СССР, решения краевых и областных комитетов ВКП(б), исполкомов Советов депутатов трудящихся, различных наркоматов и ведомств страны. В совокупности они позволяют проследить, как разворачивался процесс депортации народов и отдельных групп населения, какая роль отводилась спецпоселенцам в развитии производительных сил северных и восточных районов России.

Статистические материалы дают разнообразную информацию о расселении и численности спецпоселенцев, характере трудового использования их на предприятиях народного хозяйства Урала и Сибири, количестве привлеченных к уголовной ответственности, в том числе за контрреволюционные преступления. Большую группу документов составляют материалы оперативно-информационного характера. Это справки, телеграммы, сообщения, отчеты и докладные записки центрального аппарата и местных органов НКВД о состоянии агентурно-оперативной работы среди спецпоселенцев, характере их антисоветских проявлений, политических настроений, жилищно-бытовых условий, санитарно-медицинского обслуживания.

Материалы фонда позволили показать сложность оперативной обстановки в советском тылу, практику использования сил и средств органов НКВД в выявлении и оперативной разработке спецпоселенцев, подозреваемых в совершении государственных преступлений (шпионажа, диверсии, антисоветской агитации и пропаганды, бандитизма, предательства и пособничества немецким оккупантам), существенно дополнили картину многогранной, в частности, контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской деятельности территориальных органов НКВД – НКГБ на Урале и в Западной Сибири в годы войны.

Материалы о кадровой политике из фонда парткома НКГБ СССР (ф. 2912) Центрального государственного архива общественных движений позволили автору ознакомиться с состоянием дисциплины, идейно-политического воспитания, уровнем образовательной и профессиональной подготовки оперативного состава органов НКГБ СССР, морально-психологической атмосферы, сложившейся в чекистских коллективах в годы Великой Отечественной войны. В протоколах II партийной конференции сотрудников центрального аппарата НКГБ СССР приводятся некоторые данные о результатах оперативной деятельности наркомата в годы войны, оценки ее эффективности.

Знакомство с материалами местных архивов – Государственного учреждения “Центр документации общественных организаций Свердловской области” (ф. 4. – Свердловский областной комитет КПСС), Объединенного государственного архива Челябинской области (ф. п – 288 – Челябинский областной комитет КПСС) позволило изучить организаторскую работу партийных комитетов, уточнить механизм взаимодействия партийных органов с территориальными Управлениями НКВД – НКГБ.

Секретная информация, получаемая партийным руководством индустриальных областей Урала от спецслужбы, являлась основой для вынесения на обсуждение заседаний бюро обкомов ВКП(б) вопросов о различных аспектах обеспечения безопасности советского тыла: о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника, об усилении местной противовоздушной обороны, об оказании содействия органам НКВД в создании групп общественного порядка, об охране важнейших промышленных предприятий, о хранении взрывчатых веществ, состоянии техники безопасности, противопожарных мероприятиях на взрывоопасных производствах. В протоколах заседаний бюро обкомов партии зафиксированы вопросы кадровой политики, выполнения поручений коммунистами – руководителями органов госбезопасности, состояния политической учебы и морально-психологического климата в чекистских коллективах.

Таким образом, использование значительного массива впервые введенных в научный оборот неопубликованных документов из фондов центральных и местных архивов, являющихся наиболее типичными, массовыми, и в то же время разнообразными по содержанию, позволило полностью охватить предмет исследования – деятельность

всех территориальных органов госбезопасности Урало-Сибирского региона на объектах промышленности и сельского хозяйства, в городе и деревне в 1941–1945 гг.

В диссертации использовано значительное количество опубликованных источников, представленных документами правящей партии, сборниками законодательных актов высших органов власти, нормативными актами СНК СССР, ГКО, ряда наркоматов, информационно-справочными изданиями, периодической печатью. Зафиксированная в них разнообразная информация представляет огромную ценность для исследователей.

В целом, как представляется, достаточно широкая источниковая база исследования позволяет решать намеченные задачи.

Во второй главе **“Территориальные органы государственной безопасности Урала и Западной Сибири в политической системе советского общества”** рассмотрены угрозы безопасности Урало-Сибирского региона, задачи и правовое регулирование деятельности советской спецслужбы, организационная структура и кадры органов НКВД – НКГБ, их место и роль в укреплении безопасности советского тыла.

Накануне и в годы Великой Отечественной войны постоянно менялось соотношение потенциальных и реальных, внешних и внутренних угроз безопасности СССР, Урало-Сибирского региона, в частности.

Тотальное преследование всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, осуществленное в ходе массовых операций, проведенных органами НКВД в 1937–1938 гг., практически исключило любые возможности для иностранных разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. Усилиями органов госбезопасности были разгромлены крупнейшие российские эмигрантские организации. Накануне войны угрозу безопасности СССР составляли не столько действия абвера, осуществлявшего заброску своей агентуры в западные районы СССР, сколько сконцентрированные у границ государства войска фашистской Германии. В предвоенный период Урал и Западная Сибирь были надежно защищены от разведывательно-диверсионной и иной подрывной деятельности спецслужб Германии и Японии, российских эмигрантских организаций.

Угрозы безопасности СССР связывались политическим руководством страны не столько с деятельностью спецслужб государств – потенциальных противников, сколько с так называемыми “контрре-

волюционными силами” внутри страны. Формирование образа внутреннего врага, абсолютизация угроз с его стороны, нацеленность органов госбезопасности на поиск и обезвреживание именно этого противника стали характерной чертой функционирования и развития сталинского режима, в том числе в годы Великой Отечественной войны, на Урале и в Западной Сибири, в частности.

В диссертации показано, что катастрофическое положение на фронте в 1941–1942 гг., массовая эвакуация населения на Восток, возможность проникновения в тыл агентуры немецких спецслужб, мощная концентрация заключенных, спецпоселенцев, военнопленных, мобилизация населения для работы в промышленности Урала и Кузбасса с территории, освобожденной от фашистских захватчиков, — все это резко осложнило оперативную обстановку в Урало-Сибирском регионе.

Велика была угроза активных подрывных действий немецкой разведки. Однако разведывательная деятельность германских спецслужб накануне и в начале войны была направлена на реализацию плана “Барбаросса”. Разведывательно-диверсионные устремления противника в Урало-Сибирском регионе в 1942–1943 гг. были в значительной степени блокированы. Фактор внешней опасности постепенно ослаб после коренного перелома в ходе войны. Чрезмерно преувеличенными оказались внутренние угрозы. Лояльность и спокойствие, массовый патриотизм продемонстрировала значительная часть населения страны, в том числе Урала и Сибири.

Автор считает, что территориальные органы государственной безопасности, активно участвуя в защите и укреплении экономического потенциала советского тыла, стабилизации социально-политической обстановки в Урало-Сибирском регионе, выполняли следующие возложенные на них политическим руководством страны задачи:

- выявляли и ликвидировали разведывательно-диверсионные группы противника;
- ограждали важные военные и промышленные объекты, железнодорожный транспорт, узлы и линии связи от подрывных действий шпионов, диверсантов и других враждебных элементов;
- боролись с диверсиями, вредительством и саботажем на объектах сельского хозяйства;
- обеспечивали сохранность государственной и военной тайны;

- противодействовали антисоветской агитации и пропаганде, пресекали распространение антисоветских листовок, негативных слухов;
- вели активный поиск повстанческих организаций, боролись с терроризмом и бандитизмом;
- разыскивали предателей и пособников немецких оккупантов.

С учетом возложенных на органы НКВД – НКГБ контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской функций они решали такие задачи:

- информировали партийные и советские органы о всех позитивных и негативных процессах, происходивших в экономической и социальной сферах;
- оказывали помощь в строительстве новых и восстановлении эвакуированных промышленных объектов;
- боролись с фактами приписок и очковтирательства;
- участвовали в решении продовольственной проблемы.

В зависимости от изменений обстановки в тылу в деятельность территориальных органов госбезопасности вносились существенные коррективы, уточнялись старые и ставились новые задачи, например, выявление фактов злоупотреблений в военкоматах, госпиталях, борьба с членовредительством на объектах промышленного производства и др.

В решении поставленных задач органы государственной безопасности руководствовались правовыми актами высших органов государственной власти и управления, а также ведомственными нормативными актами. К правовым актам высших органов государственной власти и управления традиционно относятся указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) и Советского правительства, совместные постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б); к ведомственным нормативным актам – приказы, циркуляры, директивы, меморандумы, инструкции и указания НКВД СССР, НКГБ СССР, ГУКР “Смерш” НКО СССР и УКР “Смерш” НКВМФ СССР.

Организация оперативной и следственной работы Управлений НКВД – НКГБ базировалась на Уголовном Кодексе РСФСР 1926 г. Дополнения к УК, осуществленные в годы войны, были направлены на ужесточение мер ответственности за совершение контрреволюционных преступлений (антисоветская агитация, измена Родине и др.).

Расширительное толкование отдельных статей УК РСФСР и Указов Верховного Совета СССР, идеологизированность и политизированность ведомственных нормативных актов порождали нарушения законности, вели к необоснованному привлечению к уголовной ответственности многих граждан. Резко возрос объем внесудебных полномочий органов НКВД–НКГБ. Политическая целесообразность, заложенная в основу деятельности органов госбезопасности, была обусловлена партийным руководством советской спецслужбой, устранением высших законодательных, исполнительных и судебных органов от контроля за нею. Абсолютизация интересов государства и незащищенность, уязвимость интересов граждан являлись характерными чертами политической жизни советского общества в годы Великой Отечественной войны. Поэтому деятельность органов НКВД – НКГБ, направленная как против разведок иностранных государств, так и против отдельных групп населения внутри страны, носила противоречивый характер.

Периодические изменения организационной структуры органов НКВД – НКГБ в 1941 и 1943 гг. во многом явились реакцией руководства страны на характер возникавших угроз безопасности Советского государства, необходимость укрепления политического режима. Но, как считает диссертант, если реорганизация органов госбезопасности в апреле 1943 г. была вызвана необходимостью приспособления структуры советской спецслужбы для решения задач, связанных с организацией работы в армии и на флоте, на освобожденной советской территории, в тылу врага, то для территориальных органов глубокого советского тыла, в том числе Урала и Западной Сибири, изменения организационной структуры в апреле 1943 г. принципиального значения не имели. Управления НКГБ в 1943 г., как и Управления НКВД в 1941 г., решали единый блок задач по обеспечению безопасности экономического потенциала, упрочению социально-политической обстановки, контролю умонастроений граждан. Причем при любой реорганизации эти основные задачи решались со значительными издержками, на сотрудников возлагался объем работы, вызванный желанием политического руководства “объять необъятное”, контролировать все сферы жизнедеятельности государства и общества. Структурные изменения не повлияли на характер деятельности органов НКГБ Урало-Сибирского региона: функция тайной политической полиции превалировала над контрразведывательной.

В годы Великой Отечественной войны с расширением задач и объема работы оперативных подразделений резко возросла потребность в чекистских кадрах. Источниками пополнения ими территориальных органов НКВД – НКГБ явились подготовка сотрудников в специальных учебных заведениях, партийные и комсомольские наборы. Состояние кадров, в том числе и руководящего состава, характеризовалось низким уровнем образования. В силу высокой текучести недостаточен был и уровень их профессиональной подготовки, что с неизбежностью порождало низкое качество агентурно-оперативной и следственной работы территориальных органов госбезопасности, на что постоянно указывалось в приказах Л. Берии и В. Меркулова.

Упор на идейно-воспитательную работу позволил сформировать сотрудников, беспрекословно исполнявших любые указания сверху, невзирая на нарушения законности. Деформирование политического сознания и правовой культуры сочеталось с высокой работоспособностью, исполнительностью, чувством гордости и ответственности за порученное дело. Система воспитания, морального и материального стимулирования формировала осознание престижности и социальной значимости службы в органах НКВД – НКГБ. Однако закрытость организации, ее неподконтрольность законодательным и исполнительным структурам власти вели не только к нарушениям законности в отношении граждан, но и к формированию жесткого авторитарного стиля руководства, осложнению морально-психологического климата во многих коллективах, совершению в чекистской среде преступлений и дисциплинарных проступков.

Принцип партийного руководства советской спецслужбой, проявлявшийся в контроле за зачислением, утверждением и перемещением оперативных сотрудников, состоявших в номенклатуре соответствующих должностей, регламентации основных задач и направлений деятельности, структуры, финансового обеспечения, прав и обязанностей ведомства, превратил органы госбезопасности в “вооруженный отряд партии”, готовый выполнить любое ее задание как вовне, так и внутри страны, как в интересах обеспечения безопасности государства, так и в интересах ближайшего сталинского окружения, ужесточения политического режима. Реальные события Великой Отечественной войны подтвердили этот тезис.

В третьей главе “Роль органов НКВД–НКГБ в защите и укреплении экономического потенциала Урало-Сибирского региона” рассмотрены борьба органов госбезопасности с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб фашистской Германии и Японии, с диверсиями, вредительством и саботажем на объектах промышленности и сельского хозяйства; реализация органами НКВД – НКГБ контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской функций.

В диссертации показано, что в годы Великой Отечественной войны защита и укрепление экономического потенциала Урало-Сибирского региона стали одним из основных направлений деятельности территориальных органов госбезопасности, реализуемой в единстве контрразведывательной, контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской работы. Защита и укрепление объектов промышленности и сельского хозяйства осуществлялись в городе и деревне в ходе борьбы с такими преступлениями как шпионаж, диверсия, вредительство и саботаж. Оперативный удар органов НКВД – НКГБ был направлен как против агентуры немецкой и японской разведок, других иностранных спецслужб, враждебных элементов внутри страны, так и всего лишь подозреваемых в совершении указанных преступлений.

Основные устремления фашистской разведки в начальный период войны были связаны с реализацией плана “Барбаросса”. Поэтому действия по непосредственному подрыву советской экономики ограничивались, в основном, районами предполагаемых боевых операций. Лишь после поражения немецких войск под Москвой началась серьезная подготовка агентов для заброски в глубокий тыл СССР.

Автором рассмотрены стратегия разведывательных действий спецслужб Германии и Японии, возможности формирования ими агентурного аппарата, тактика заброски шпионов и характер конкретных заданий, касавшихся военных объектов Урала и Сибири.

До начала 1942 г. органы госбезопасности СССР не имели четких ориентировок об устремлениях немецкой разведки, ее организационной структуре, формах и методах подрывной деятельности, поэтому были вынуждены вести борьбу с противником “вслепую”. Политическое руководство страны, более всего опасаясь создания немецкой разведкой “пятой колонны” в глубоком советском тылу, объединения усилий внешнего врага с остатками враждебных советскому строю

социальных слоев и групп населения, нацелило органы госбезопасности на осуществление превентивных мер, нейтрализацию тех лиц, которые считались потенциальной вербовочной базой немецкой разведки, других спецслужб иностранных государств. Десятки тысяч человек по признакам национальной, социальной, политической неблагонадежности были взяты в агентурную разработку, тысячи из них арестованы, многие – расстреляны. Пик репрессий выпал на 1941–1942 гг.

Документы свидетельствуют, что за первые полтора года войны в результате массовых операций вместе со многими невинными была вычищена и часть кадровой агентуры немецкой и японской разведок, завербованной в предвоенный период. Одновременно с весны 1942 г. до второй половины 1943 г. шла напряженная борьба с действительными агентами немецких спецслужб, массово забрасываемыми в глубокий советский тыл с разведывательно-подрывными целями. В 1944–1945 гг. на территории Урало-Сибирского региона велась ликвидация агентуры противника, отобранной в составе населения западных областей СССР для работы в промышленности восточных районов России. Несмотря на активный поиск, единого координирующего разведывательного центра противника ни на Урале, ни в Сибири обнаружено не было.

Защита промышленного потенциала от подрывной деятельности противника имела экстенсивный характер, ибо базировалась не на достоверных данных о конкретных устремлениях спецслужб, а на принципе защиты всех объектов народного хозяйства от всех возможных враждебных акций. Тотальный контроль за деятельностью предприятий промышленности и сельского хозяйства изначально расплывал силы и средства органов госбезопасности, снижал эффективность контрразведывательных усилий по обеспечению безопасности важнейших военно-экономических объектов.

Автор считает, что вовремя предпринятые меры по улучшению состояния охраны оборонных предприятий, ужесточению пропускного режима, удалению с заводов значительной части политически и социально неблагонадежных лиц, форсированному насаждению противодиверсионного осведомления в известной степени способствовали укреплению безопасности экономического потенциала. Однако существенно снизить количество аварий, взрывов и пожаров не удалось по причинам бесхозяйственности, халатности; нарушений правил техники безопасности, технологического режима; эксплуатации ус-

таревшего оборудования. Устранить эти не связанные с реальной подрывной деятельностью противника причины, обострившиеся в экстремальных условиях войны, сотрудники оперативных отделов УНКВД – УНКГБ просто не смогли; к тому же это и не входило в их прямую служебную компетенцию. Требовалось лишь сообщить о недостатках в адрес вышестоящего руководства и партийные инстанции. Выявить действительные причины многих походовивших на диверсию чрезвычайных происшествий и установить виновных в их совершении органы госбезопасности часто оказывались бессильны.

Из конкретного материала видно, что кроме выявления единичных диверсионных актов в промышленности и сельском хозяйстве, носивших неорганизованный, спорадический характер, осуществленных чаще всего не агентурой иностранных спецслужб, а людьми, обиженными Советской властью, сотрудники советской контрразведки инкриминировали лишь вынашивание диверсионных намерений. Поэтому в числе арестованных по ст. 58-9 (диверсия) УК РСФСР невозможно выявить количество реальных диверсантов, так же как и других государственных преступников (шпионов, вредителей, саботажников, антисоветских агитаторов и пропагандистов, террористов, повстанцев, изменников Родины). Аресты подозреваемых часто производились по непроверенным агентурным данным об их антисоветской деятельности. Доказать совершение преступления следственным путем не представляло особого труда, ибо использовались методы физического воздействия (пытки). Как и любой другой институт государства, НКВД – НКГБ СССР был заинтересован в высокой результативности деятельности, достигаемой не всегда законными средствами. Отсутствие разоблаченных шпионов, диверсантов, вредителей, саботажников считалось серьезным недостатком в работе подразделений НКВД – НКГБ, поэтому установки на выявление контрреволюционных преступлений следовали свыше систематически.

В диссертации показано, что по отработанной в период “большого террора” технологии “разоблачения” вредителей и саботажников территориальными органами госбезопасности в годы войны были арестованы многие руководители промышленных предприятий, угольных трестов, энергоучастков, колхозов и совхозов Урало-Сибирского региона, рядовые колхозники. Смысл и назначение репрессивных мер заключались, на наш взгляд, в выполнении “социального заказа” высшего партийного руководства, в том, чтобы, репрессировав одних, через

страх от мобилизовать усилия других и такими карательными методами “вытащить из прорыва” предприятия, колхозы и совхозы, отрасли, города, регионы, весь советский тыл, а в итоге решить главную задачу – обеспечить фронт необходимой военной техникой, боеприпасами и продовольствием. В условиях господства внеэкономических методов принуждения к труду уповать только на героизм тружеников тыла руководство страны считало недостаточным.

Отлаженная в годы войны система оперативно-розыскных мероприятий органов советской контрразведки, комплекс режимных мер по охране особо важных объектов оборонной промышленности и защите секретной информации, формирование в обществе атмосферы всеобщей бдительности, превентивные удары по потенциальной вербовочной базе иностранных спецслужб резко сократили возможности немецкой и японской разведок по проведению разведывательно-диверсионной деятельности в глубоком советском тылу. Однако в условиях невероятного наращивания оперативных учетов, многочисленной, но малороботоспособной агентурно-осведомительной сети, распыления сил и средств органов НКВД – НКГБ, перегруженности сотрудников второстепенной канцелярско-бумажной работой вряд ли возможно говорить об особой эффективности контрразведывательной деятельности территориальных органов госбезопасности, совершенствовании элементов контрразведывательного искусства, может быть, за исключением ряда успешно проведенных на территории Урало-Сибирского региона радиоигр с противником, подставы ему перевербованных агентов, ликвидации диверсионной группы “Ульм”, а также отдельных операций по разоблачению шпионов, предателей и пособников немецких оккупантов.

Проведенное исследование свидетельствует, что в силу особой роли, отведенной органам НКВД – НКГБ в системе государственного механизма, они активно участвовали в мобилизации всех ресурсов, перестройке народного хозяйства на военный лад, реализуя возложенные на них контрольно-инспекционную и хозяйственно-организаторскую функции. Личный состав экономических подразделений Управлений НКВД – НКГБ Урала и Сибири оказывал постоянное содействие восстановлению эвакуированных и строительству новых оборонных заводов, налаживанию прочных производственных связей между предприятиями-смежниками, преодолению узковедомственных интересов, жестко контролировал как своевременность

выполнения оборонных заказов ГКО, так и качество изготавливаемой военной продукции, боролся с фактами приписок и очковтирательства. Руководство УНКВД – УНКГБ систематически информировало обкомы ВКП(б) и центральный аппарат органов госбезопасности по всем указанным проблемам.

Одновременно с этим через агентурно-осведомительный аппарат экономических, секретно-политических отделов УНКВД – 2-х (сельскохозяйственных) отделений 2-х (областных) отделов УНКГБ был установлен тотальный контроль за хозяйственной деятельностью колхозов, совхозов и МТС всего Урало-Сибирского региона. Ни одна из сторон жизни села не выпадала из поля зрения органов госбезопасности. Политика сталинского руководства в деревне была пронизана факторами принуждения, откровенного насилия, диктата. Используя сформировавшийся и апробированный в 1930-е гг. административно-хозяйственный механизм, партийные и советские органы с помощью сотрудников НКВД – НКГБ беспрепятственно изымали продукцию из аграрного сектора. Отмечается также, что отставание по хлебозаготовкам рассматривалось как преступление, виновные в срыве установленных графиков, укрытии хлеба арестовывались органами госбезопасности как саботажники и предавались суду. Оказав силовое давление на жителей села, органы НКВД – НКГБ Урала и Западной Сибири справились с возложенной на них задачей – содействовать обеспечению фронта и города продовольствием и сельскохозяйственным сырьем.

Подчеркивается, что активная работа проводилась среди спецпоселенцев. В реальной практике спецпоселенчества, сущностью которого являлось максимальное использование дешевой рабочей силы в народном хозяйстве страны, сталкивались и переплетались интересы крайкомов-обкомов ВКП(б), хозяйственных организаций различных наркоматов. В этом конгломерате отношений особое место занимали органы НКВД СССР, отстаивавшие приоритеты государственных интересов в столкновении с интересами ведомственными и местными.

Директивные решения по распределению спецпоселенцев принимали ГКО, СНК СССР, ЦК ВКП(б). Но трудовое использование их было организовано на основе договоров, заключенных НКВД СССР с соответствующими наркоматами страны. Через разветвленную сеть периферийных аппаратов наркомат внутренних дел досконально кон-

тролировал ситуацию на местах и, отстаивая общегосударственные интересы, реально противостоял неумному местничеству и ведомственности. Органы НКВД не только осуществляли контрольную функцию, информируя вышестоящие инстанции о характере материально-бытового устройства спецпоселенцев, их рождаемости и смертности, эффективности трудового использования. Через реализацию возложенной на них хозяйственно-организаторской функции они обеспечивали также перераспределение многотысячных контингентов спецпоселенцев, воздействовали на выполнение производственных заданий предприятий и строек.

Таким образом, автор приходит к выводу, что реализация контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской функций органов НКВД–НКГБ Урало-Сибирского региона осуществлялась в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, как по линии оперативно-чекистских управлений (Экономического, Секретно-политического, 2-го Управления НКГБ СССР), так и по линии ГУЛАГа НКВД СССР, Отдела специальных поселений НКВД СССР. Объективно их деятельность была направлена на повышение эффективности функционирования хозяйственного механизма, достижение максимально высокого “коэффициента полезного действия” внеэкономических методов принуждения.

В четвертой главе **“Деятельность территориальных органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири по социально-политической стабилизации советского тыла”** рассмотрены вопросы борьбы с антисоветской агитацией и пропагандой, террористическими актами и бандитизмом, проблемы поиска повстанческих организаций, выявления и розыска изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов.

Стабилизация социально-политической обстановки глубокого советского тыла являлась важным направлением деятельности территориальных органов госбезопасности Урало-Сибирского региона, реализуемой в единстве контрразведывательной работы и функции тайной политической полиции. Основным содержанием этого направления деятельности органов НКВД – НКГБ являлся постоянный и всеобщий контроль умонастроений граждан, пресечение негативных слухов, фактов антисоветской агитации и пропаганды, предотвращение массовых беспорядков, вооруженных выступлений, актов тер-

роризма и бандитизма, выявление и розыск изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов.

В диссертации показано, что агентурно-оперативная работа осуществлялась повсеместно: в городе и деревне, на промышленных предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах, МТС, госпиталях, учебных заведениях и государственных учреждениях, среди рабочих и служащих, молодежи, раненых, эвакуированных, мобилизованных, спецпоселенцев, заключенных. Оперативный удар органов госбезопасности был направлен внутрь страны: как против реального противника – предателей, пособников немецких оккупантов, бандитов, террористов, религиозных фанатиков, других ярых антисоветских элементов, так и против граждан, всего лишь подозреваемых в осуществлении антисоветской агитации, повстанческих, террористических, изменнических намерениях.

Война наглядно продемонстрировала сущность политической системы советского общества, противоречивый характер ее функционирования, конфликтность взаимоотношений власти и народа.

С одной стороны, выполнение контрразведывательной функции и функции тайной политической полиции органами безопасности составляет необходимый элемент развития любого государства. Внутренние угрозы безопасности личности, общества и государства со стороны экстремистских лиц, групп и организаций, проявления политического бандитизма, то есть применение любых форм насильственных действий в целях общественно-политической дестабилизации и свержения существующего строя, требуют их пресечения. Вследствие этого вполне оправданными были мероприятия территориальных органов НКВД – НКГБ по розыску и уголовному преследованию авторов антисоветских листовок и анонимных писем, призывавших население к забастовкам, свержению Советской власти, расправам над коммунистами, а также репрессии религиозных фанатиков, призывавших верующих к бойкоту социально-экономических и политических мероприятий Советского государства, неуплате налогов, отказу от исполнения воинской службы, участия в государственных займах.

Автор установил, что значительные силы и средства советской спецслужбы были отмобилизованы на пресечение актов терроризма, чаще всего совершавшихся в начальный период войны, в основном

в сельской местности, носивших стихийный, неорганизованный характер, направленных против низового партийно-советского звена и актива местных органов власти, а также бандитизма в Урало-Сибирском регионе.

Используя агентурные методы, реализуя принцип неотвратимости возмездия за совершенные злодеяния, органы госбезопасности выявили, разыскали и арестовали значительное количество предателей среди военнослужащих и гражданских лиц, прибывших на Урал и в Сибирь из зоны боевых действий, немецких концлагерей, по мобилизации для работы в промышленности, сосланных на спецпоселение, находившихся на излечении в медицинских учреждениях, эвакуированных в лагеря НКВД СССР, проникших в восточные районы России в неорганизованном порядке и рассредоточившихся по глухим населенным пунктам.

Осуществление указанных акций явилось формой участия советской спецслужбы в укреплении безопасности страны, предупреждении подрыва экономического и морально-политического потенциала советского тыла.

С другой стороны, накануне и в годы Великой Отечественной войны руководство ВКП(б), ссылаясь на объективные трудности, внешние угрозы, агрессию фашистской Германии, с помощью органов госбезопасности разрешало существовавшие в стране общественные противоречия путем ареста или физического уничтожения их носителей – “социально-чуждых элементов”, максимально упрочивая при этом собственную безопасность.

Судя по нормативным документам органов госбезопасности СССР, советский народ в 1930–1940-е гг. был искусственно расчленен по идеологическому основанию на “социально-чуждые элементы” и элементы, лояльные политическому режиму, что ослабило силу сопротивления государства внешнему врагу, резко увеличило цену победы в Великой Отечественной войне.

Исходя из сталинской установки об усилении классовой борьбы, органы советской контрразведки, демонстрируя полную прее́мственность с опытом 1930-х гг., зачислили в потенциальную базу антисоветских агитаторов и пропагандистов, повстанцев, террористов, изменников Родины, а также иностранных шпионов, диверсантов, вредителей и саботажников значительную долю населения, руководствуясь такими критериями:

– национальный признак (немцы, финны, китайцы, корейцы, японцы, поляки, румыны, венгры, словаки, итальянцы, в дальнейшем – калмыки, чеченцы, ингуши, крымские татары, турки-месхетинцы и др.);

– социально-классовая и религиозная принадлежность (кулаки-трудпоселенцы, дворяне, помещики, царские чиновники, бывшие офицеры царской и белой армий, белоказаки, церковники, сектанты и пр.);

– политическая (реальная и потенциальная) оппозиционность (бывшие члены монархических организаций, кадеты, анархисты, эсеры, меньшевики, троцкисты, правые, участники так называемой “Промпартии”, исключенные из рядов ВКП(б) и ВЛКСМ, лица, подвергавшиеся репрессиям со стороны Советского государства, родственники репрессированных и др.);

– контакты с зарубежьем, немецким оккупационным режимом (бывшие военнослужащие германской и австрийской армий, лица, находившиеся в годы Первой мировой войны в немецком плену, шуцбундовцы, политэмигранты, иностранные специалисты, беженцы, эвакуированные из западных областей СССР, бывшие военнослужащие Красной Армии, находившиеся в окружении или возвратившиеся из немецкого плена, все лица, прибывшие с оккупированной немцами территории, и др.).

Документы свидетельствуют, что пик репрессий в тылу выпал на 1941–1942 гг. Значительная часть населения Урало-Сибирского региона, всего лишь подозреваемая в преступных намерениях против сталинского политического режима, была арестована органами госбезопасности. Характерно, что общее число арестованных в деревне (21 582 человека) было выше, чем арестованных в городе (18 578 человек). При этом изучение различных материалов периода Великой Отечественной войны показывает, что урало-сибирская деревня не была “контрреволюционной”, как, собственно, и урало-сибирский город. Господствовавший в обществе социально-политический и психологический настрой определяли патриотизм тружеников тыла, их повседневные героические усилия под лозунгом “Все для фронта, все для победы”. Критические взгляды многих граждан на реалии советской действительности совсем не означали, что они были готовы к открытому конфликту с властями.

Тем не менее, по подсчетам диссертанта, только по ст. 58-10 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда) было арестовано 22 482 человека, что составило 56 % от общего количества арестован-

ных в Урало-Сибирском регионе. С учетом того, что пик разведывательно-диверсионной деятельности немецких спецслужб пришелся на 1943 г., а их устремления были направлены на особо важные военно-промышленные объекты, сосредоточенные в городах, прежде всего Урала, становится очевидной направленность оперативного удара органов НКГБ – НКВД Урало-Сибирского региона – против собственного народа. Превентивность репрессивных мер с целью упрочения политического режима нанесла ущерб делу обороны СССР. Массовость арестов по ст. 58-10 УК РСФСР, особенно в период нарастания обостренно-болезненной реакции населения на военные неудачи 1941–1942 гг., была обусловлена и необходимостью пополнения дешевой рабочей силой ГУЛАГа НКВД СССР, т.е. определялась экономической целесообразностью.

В исследовании констатируется, что, несмотря на десятки тысяч дел по контрреволюционным преступлениям, в годы Великой Отечественной войны ни в городе, ни в деревне Урало-Сибирского региона не было серьезных антисоветских организаций и, следовательно, “пятой колонны”. Несмотря на наличие значительного количества людей и даже отдельных социальных групп, недовольных политикой правящего сталинского режима, массовых беспорядков и открытых вооруженных восстаний на Урале и в Сибири в годы войны не произошло. Разговоры о вооруженном восстании, изредка предпринимавшиеся отдельными группами граждан, через донесения агентуры сразу же становились известными органам госбезопасности, “повстанческие намерения” пресекались ими в самом зародыше. Порою грубая фальсификация оперативно-следственных материалов подпитывала практику необоснованных репрессий.

Таким образом, как считает автор, расширительное толкование ст. 58-10 УК РСФСР, инкриминирование подозреваемым повстанческих, террористических, изменнических намерений порождали нарушения законности и вели к необоснованному привлечению к уголовной ответственности широкого круга невиновных граждан. Репрессивные меры, особенно широко практиковавшиеся в глубоком советском тылу в 1941–1942 гг., носили чрезмерный характер, не соответствовали реальной оперативной обстановке, отвлекали силы и средства органов НКВД–НКГБ от решения контрразведывательных задач. Функция тайной политической полиции приобрела в годы вой-

ны гипертрофированный характер. Ни повстанческих, ни террористических центров, ни связей антисоветски настроенных граждан со спецслужбами иностранных государств на территории Урало-Сибирского региона зафиксировано не было.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны выводы, высказаны рекомендации.

В годы Великой Отечественной войны территориальные органы государственной безопасности Урала и Западной Сибири являлись частью мощной спецслужбы, не имевшей аналогов во всем мире. Полностью сохранив преемственность с 1930 гг., Народные комиссариаты внутренних дел (государственной безопасности) – Управления НКВД (НКГБ) по автономным республикам, краям и областям осуществляли контрразведывательную работу и выполняли задачи тайной политической полиции, реализовывали контрольно-инспекционную и хозяйственно-организаторскую функции, сосредоточив усилия на защите и укреплении экономического потенциала Урало-Сибирского региона, стабилизации социально-политической обстановки глубокого советского тыла. Они вели борьбу со шпионажем, диверсиями, вредительством, саботажем, антисоветской агитацией и пропагандой, повстанчеством, терроризмом, бандитизмом, изменой Родине, в том числе предательством и пособничеством немецким оккупантам.

Особенностями оперативно-следственной работы территориальных органов НКВД – НКГБ Урало-Сибирского региона, по мнению диссертанта, явились тесное переплетение контрразведывательной функции с функцией тайной политической полиции и преобладание последней; а также борьба за валовые показатели, вылившаяся в необоснованные репрессии.

Экстенсивные, порою варварские, способы обеспечения государственной безопасности оказались в целом успешными: территориальные органы НКВД – НКГБ сумели стабилизировать социально-политическую обстановку на Урале и в Сибири, нейтрализовать разведывательно-подрывные устремления противника, которому не удалось выявить истинные масштабы оборонного потенциала советского тыла, вывести из строя объекты военной инфраструктуры. Цена таких способов обеспечения государственной безопасности – тема отдельного исследования.

Органы госбезопасности СССР никогда не являлись самостоятельной и независимой силой, своеобразным “государством в государстве”. Их деятельность находилась под постоянным контролем Политбюро ЦК, крайкомов и обкомов правящей партии, определявшей задачи, направления, формы и методы работы, структурные реорганизации спецслужбы. Все это предопределило их дуалистическую природу.

С одной стороны, органы госбезопасности Урала и Сибири явились орудием в укреплении политического режима, выполняли любые установки партийных инстанций, направленные на обеспечение стабильного существования властных структур. Полное отсутствие контроля над высшей партноменклатурой, обусловленное особенностями советской политической системы, привело к необоснованному расширению ею полномочий органов НКВД – НКГБ в разных сферах жизни советского общества, использованию этих органов для проведения политических репрессий, особенно в начальный период Великой Отечественной войны. Карательная политика Советского государства, предопределившая массовость арестов, была обусловлена и необходимостью пополнения дешевой рабочей силой ГУЛАГа НКВД СССР, то есть, мотивировалась экономической целесообразностью.

С другой стороны, органы госбезопасности, являясь составной частью государственных институтов, призванных обеспечивать суверенитет, независимость и территориальную целостность страны, сумели защитить экономический потенциал советского тыла, удержать под жестким контролем социально-политическую обстановку на Урале и в Западной Сибири. Политическое руководство СССР, используя широкий арсенал возможностей, в том числе жесткий централизм спецслужбы, ее мобильность, наличие высокодисциплинированных и исполнительных кадров, агентуры, охватившей и глубоко пронизавшей все сферы промышленного и сельскохозяйственного производства, сумело к концу 1942 г. перевести промышленность на военный лад, что обусловило в дальнейшем коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, разгром фашистской Германии.

Опираясь на анализ исторических фактов, автор формулирует следующие предложения:

1. В условиях динамично меняющейся международной и внутренней обстановки в рамках реализуемой ныне концепции национальной безопасности России необходимо постоянно уточнять роль и

место, полномочия и направления деятельности органов ФСБ в защите жизненно важных интересов личности, общества и российского государства от внешних и внутренних угроз, совершенствовать законодательную базу, порядок государственного контроля и надзора за деятельностью органов безопасности, активно привлекая для этого усилия юристов, политологов, философов и историков.

2. Опыт Великой Отечественной войны свидетельствует, что жестко централизованная, мобильная, технически оснащенная спецслужба, имеющая высокодисциплинированные, исполнительные кадры, агентурный аппарат, может противостоять как разведывательно-подрывным акциям спецслужб иностранных государств, так и актам терроризма, бандитизма, другим преступлениям. Ныне для полного использования потенциала органов ФСБ России, в частности, борьбы с коррумпированностью высокопоставленных политиков и чиновников, другими злоупотреблениями необходимы лишь политическая воля и решительность руководства страны.

3. С учетом героического и трагического опыта прошлого обеспечение безопасности личности и общества, эффективность деятельности органов ФСБ России возможны лишь при условиях строгого соблюдения законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, повышения престижа спецслужбы в глазах общества, материального благосостояния ее сотрудников, усиления связи органов безопасности с массами, общественными организациями, формирования у каждого оперативного работника и руководителя подразделения исторического сознания, повышения уровня правовой культуры, понимания технологий возможного превращения спецслужбы в инструмент манипулирования со стороны узких групп политиков, неприятия подобных манипуляций. Поэтому роль гуманитарного знания, результатов исторических исследований в решении указанных выше проблем несомненна. Через систему профессиональной учебы необходимо изучение исторического опыта предшественников.

4. Для оздоровления социально-политической обстановки в России, морально-психологического климата в обществе необходимо отменить принцип неприкосновенности как депутатов, так и любых высокопоставленных чиновников, привлечь виновных к уголовной ответственности за ущерб, нанесенный безопасности общества и государства.

5. Активизировать рассекречивание архивных источников. Материалы исторических исследований, в том числе по деятельности органов госбезопасности в годы Великой Отечественной войны, проведенных в учебных заведениях ФСБ России, активно использовать во всероссийских и региональных сборниках, фундаментальных трудах, учебных пособиях, что позволит успешнее преодолевать сохраняющийся раскол исторической науки на ведомственную и общегосударственную.

Реализация данных рекомендаций будет способствовать формированию зрелого гражданского общества, объективного знания о роли и значении органов НКВД – НКГБ в годы Великой Отечественной войны. Комплексными усилиями можно предотвратить периодическое повторение кровавых трагедий в истории России.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах:

1. Спецпоселенцы и органы НКВД – НКГБ в годы войны (на материалах Урала и Сибири): Монография. – М.: Академия ФСБ России, 1995. – 204 с. (8,5 авт. л.). Деп. в Академии ФСБ России 4.12.1995 г., № 30820.

2. Контрразведка Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Монография. – М.: Академия ФСБ России, 2000. – 372 с. (15,5 авт. л.). Деп. в Академии ФСБ России 11.05.2000 г., № 21403.

3. К вопросу о деятельности советских органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны (Анализ отечественной историографии) // Из истории становления и развития оперативной деятельности органов отечественной контрразведки: Сб. науч. ст. – М.: ВШ МБ РФ, 1992. С. 89–107 (0,95 авт. л.).

4. Роль органов НКВД в реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) “О развитии рыбных промыслов в бассейне рек Сибири” в годы Великой Отечественной войны // Некоторые направления деятельности отечественных органов контрразведки: Сб. науч. ст. – М.: Академия ФСК России, 1994. Вып. 2. С. 124–139 (0,65 авт. л.).

5. О расселении, численности и составе спецпоселенцев на Урале и в Сибири в годы Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. в/ч 69617. – Екатеринбург: в/ч 69617, 1995. № 6. С. 81–99 (0,8 авт. л.).

6. Материально-бытовое положение спецпоселенцев: Сб. науч. тр. в/ч 69617. – Екатеринбург: в/ч 69617, 1996. № 7. С. 140–159 (0,8 авт. л.).

7. Организация оперативной работы органов НКВД–НКГБ Урала и Сибири среди спецпоселенцев в годы Великой Отечественной войны // Спецборник Академии. – М.: Академия ФСБ РФ, 1997. Вып. 7. С. 150–163 (0,6 авт. л.).

8. Разработка темы “Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне” учеными Академии ФСБ России // Спецборник Академии. – М.: Академия ФСБ РФ, 1997. Вып. 9. С. 81–86 (0,25 авт. л.).

9. Деятельность органов НКВД по пресечению побегов спецпереселенцев с территории Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы). – Нижний Тагил: НТГПИ, 1997. С. 145–155 (0,5 авт. л., в соавторстве с В. П. Мотревичем; доля соискателя – 0,3 авт. л.).

10. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики Советского государства в 30–40-е годы (на материалах Урала и Сибири) // Урал в прошлом и настоящем: Материалы науч. конф. – Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 1998. Ч. 1. С. 401–403 (0,2 авт. л.).

11. Выявление и оперативная разработка органами госбезопасности Урала и Сибири спецпоселенцев, подозреваемых в совершении государственных преступлений // Отечественные органы безопасности: история и современность. – Екатеринбург: в/ч 69617, 1998. С. 123–130 (0,4 авт. л.).

12. К вопросу о социальной структуре спецпереселенчества в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный. – Екатеринбург: УГТУ, 1998. С. 62–64 (0,2 авт. л.).

13. Выявление немецкой агентуры территориальными органами НКВД – НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. в/ч 69617. – Екатеринбург: в/ч 69617, 1999. № 8. С. 39–63 (1,0 авт. л.).

14. О характере арестов, осуществленных органами НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке, 1997. Российские спецслужбы: история и современность. – Москва; Великий Новгород: ФСБ РФ, НовГУ, 1999. С. 86–91 (0,3 авт. л.).

15. Оперативная работа территориальных органов НКГБ среди инвалидов Великой Отечественной войны в 1943–1945 гг. // Исторические чтения на Лубянке, 1997. Российские спецслужбы: история и современность. – Москва; Великий Новгород: ФСБ РФ, НовГУ, 1999. С. 100–106 (0,4 авт. л.).

16. О роли органов государственной безопасности в укреплении оборонного потенциала советского тыла в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: Материалы III регион. науч. конф. – Екатеринбург: УГТУ, изд-во “Академкнига”, 1999. С. 75–78 (0,2 авт. л.).

17. Деятельность японской разведки в восточных регионах России в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный: Материалы III регион. науч. конф. – Екатеринбург: УГТУ, изд-во “Академкнига”, 1999. С. 78–81 (0,2 авт. л.).

18. К вопросу о потенциальной и реальной вербовочной базе немецкой разведки в годы Великой Отечественной войны // Из истории оперативной деятельности отечественных органов безопасности: Сб. науч. ст. – М.: Академия ФСБ РФ, 1999. Вып. 4. С. 187–192 (0,25 авт. л.).

19. Защита промышленных объектов Урало-Сибирского региона от диверсионных устремлений противника в годы Великой Отечественной войны // Из истории оперативной деятельности отечественных органов безопасности: Сб. науч. ст. – М.: Академия ФСБ РФ, 1999. Вып. 4. С. 193–222 (1,3 авт. л.).

20. Борьба органов госбезопасности Урало-Сибирского региона с вредительской и саботажной деятельностью враждебных элементов в годы Великой Отечественной войны // Из истории оперативной деятельности отечественных органов безопасности: Сб. науч. ст. – М.: Академия ФСБ РФ, 1999. Вып. 4. С. 223–233 (0,45 авт. л.).

21. Выявление и розыск органами госбезопасности Урала и Сибири изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Екатеринбург: Изд-во “СВ-96”, 2000. С. 199–205 (0,35 авт. л.).

22. Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны // Участие органов безопасности в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Спецсборник Академии. – М.: Академия ФСБ РФ, 2000. Вып. 13.

С. 32–52 (1,2 авт. л., в соавторстве с С. М. Колобашкиным; доля соискателя – 1,1 авт. л.).

23. Реализация органами НКВД–НКГБ контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской функций на объектах оборонных отраслей промышленности Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны: Сб. науч. тр. в/ч 69617. – Екатеринбург: в/ч 69617, 2000. № 9. С. 102–116 (0,75 авт. л.).

24. Борьба органов госбезопасности Урала и Сибири с диверсией и вредительством на объектах сельского хозяйства: Сб. науч. тр. в/ч 69617. – Екатеринбург: в/ч 69617, 2000. № 9. С. 116–136 (1,1 авт. л.).

25. Борьба органов НКВД–НКГБ Урало-Сибирского региона с саботажем и хищениями продукции в сельском хозяйстве в годы Великой Отечественной войны // Военком: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та; изд-во Университет, 2000. С. 7–19 (1,5 авт. л.).

26. Реализация органами НКВД Сибири контрольно-инспекционной и хозяйственно-организаторской функций в работе со спецпоселенцами в годы Великой Отечественной войны // Военком: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та; изд-во Университет, 2000. С. 20–25 (0,7 авт. л.).

Подписано к печати 24.04.2001. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$.
Бумага для множительных аппаратов. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 2,3. Усл. печ. л. 2,55. Тираж 100 экз. Заказ 445.

Отпечатано в ИПЦ "Издательство УрГУ".
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
